

ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЮРТОВСКИХ ТАТАР

Алиев Р.Т.

Алиев Растям Туктарович, к.и.н., доцент кафедры культурологии, Астраханский государственный университет, старший научный сотрудник ГБУК АО «Астраханский областной научно-методический центр народной культуры». 414056, Астрахань, Россия, ул. Татищева, 20а. Эл. почта: хааqan@mail.ru

В современной историографии вопрос об этногенезе юртовских татар на астраханском фронтире остаётся особо актуальным. Различные учёные и краеведы на основе множества архивных данных и свидетельств путешественников и купцов дают свои объяснения этнической принадлежности Астраханских татар. Автор данной статьи делает попытку системного анализа историографии по данной проблематике, рассматривает различные архивные данные и приходит к выводу, что тюркское население Астрахани, известное под названием «юртовские татары» прошло довольно долгий путь своего развития. Начиная с XVI в. эта группа населения представляла собой отдельный этнос, противопоставляющийся в источниках ногайцам. В XVII в. происходит дальнейшее развитие термина и его трансформация к концу столетия в обозначение служилого тюркского населения, куда входят так же и ногайцы-едисанцы. А уже в XVIII-XIX вв. юртовские татары характеризуются не как единый монолитный этнос, а в качестве собирательного названия разных этнических групп, выстроившихся в чёткую социальную структуру: татарского и ногайского происхождения мурзы и табунные головы, служилые категории, зависимые ясашные и емешные татары и т.д. Таким образом, учитывая сложность социальной и этнической структуры юртовских татар, попытки некоторых учёных причислить юртовцев к тому или иному конкретному этносу не имеют оснований.

Ключевые слова: фронтир, астраханские татары, юртовские татары, емешные татары, ясачные татары, ногайцы, едисанцы, джетисанцы, интерстадиал, лиминальность.

Этногенез в «особом состоянии лиминальности, в котором культурные процессы принимают совершенно новые формы, отличные от мейнстримного общества» (Якушенков, Якушенкова, 2016, стр. 9), иными словами во фронтире, открывает для исследователя новые стороны своего функционирования. Мало того, что фронтир встраивает субъект в новые природные и культурные условия, он встраивает у целых этнических групп новые социокультурные отношения, так или иначе влияя на характер дальнейшего их развития. Следовательно, этот процесс представляет собой один из интереснейших и малоизученных аспектов фронтирных процессов, имеющих место быть в подобных гетеротопных пространствах.

На данный момент остаётся особо актуальным вопрос об этногенезе и этнической структуре астраханских (юртовских) татар в Нижнем Поволжье. В историографии эта проблема до сих пор является открытой.

Так, например, казанские историки, в частности известный этнолог Д.М. Исхаков, утверждают, что астраханские татары занимают в структуре общетатарского этноса свою нишу, выделяя их при этом в особую категорию этно-территориальных групп (Исхаков, 2014, 12) противопоставляя этническим общностям. В частности, Д.М. Исхаков утверждает, что астраханские татары лишь не позже конца XIX в. «переживали процесс консолидации с волго-уральскими татарами в единую этническую общность. Проявлением этих процессов и стало усвоение всеми астраханскими татарами общенационального этнонима "татары"» (стр. 13). А решающим в данном процессе критерием он называет «этническое смешение разных групп татар Астраханской губернии» (стр. 13). Таким образом, он указывает не на этническую или территориальную принадлежность астраханских татар к общей структуре татарского народа, а подчёркивает его этно-территориальный характер, говоря о том, что юртовские астраханские татары стали результатом смешения разных этнических групп на одной территории.

В краеведческой литературе доминирует «мнение о своеобразном перерыве или паузе (интерстадиале) в этническом развитии тюрков Нижнего Поволжья» (Сызранов, 2008, стр. 168), автором которого является астраханский историк и этнограф В.М. Викторин. По его мнению, население Астраханского ханства покинуло родину перед присоединением территории этого государства к Московскому в 1556 г.. А на его место в конце XVI – начале XVII вв. пришли ногаи, перекочевавшие сюда из Большой Ногайской Орды (Викторин, 1991, стр. 46-50). Именно они, согласно мнению историка, и сформировали особую группу, известную как «астраханские» или «юртовские», иногда ногайские, татары (Викторин, 1995, стр. 7-8).

Сторонником данной точки зрения является московский историк-ногаевед В.В. Трепавлов, который в своих трудах по истории Ногайской Орды вслед за В.М. Викториним утверждает, что население Астраханского ханства бежало с данной территории от русских ратей, подчёркивая при этом, что небольшая часть из них вернулась обратно. При этом он так же приводит тот факт, что в начале XVII в. в юртовскую среду влились ногаи Орды Едисан (Джетисан) (Трепавлов, 2002, стр. 299, 431, 435), подкрепляя своё утверждение тем, что российский этнограф XIX в. П.И. Небольсин писал, что левый берег Волги, где расположилась русская Астрахань, представлял собой ногайское зимовье (Небольсин, 1852, стр. 59).

Исследователь Н.М. Васькин полагает, что юртовские татары – это жители Астраханского ханства. Главным его аргументом является свидетельство о том, что в годы присоединения Астраханского государства к России «их насчитывалось 25000 луков» (Васькин, 1973, стр. 32). Астраханский археолог Е.В. Шнайдштейн стоит на позиции того, что юртовские татары – это результат длительного многовекового процесса взаимодействия тюркского и монгольского населения, начиная со времён печенежского владычества в южнорусских степях (Шнайдштейн, 1975, стр. 15). Это, по её словам, и привело к детерминированию новой этнической группы (1989, стр. 29).

Следом за Е.В. Шнайдштейн астраханский краевед Р.У. Джуманов удревняет происхождение юртовских татар, причисляя их к наследию Хазарского каганата (Джуманов, 1989, стр. 24).

Астраханский историк И.В. Торопицын, напротив, утверждает, что юртовские татары сложились не как этническая группа, а в качестве «служилой категории населений российского государства» (Торопицын, 2014, № 2, стр. 229), приводя в доказательство тот факт, что структура юртовских татар была неоднородна. Он выделяет в её среде феодальную знать, служилые и зависимые категории (ясашных и емешных татар) (2014, №3, стр. 220–228).

Что же касается источников по данной проблематике, то мы можем разделить их на две группы: в первую входят записки и свидетельства иностранных путешественников и русских купцов; во вторую архивные документы, дающие представления о взаимоотношениях государственных властей с представителями астраханских татар и проливающих свет на некоторые аспекты их этнической и социальной структур.

Следует отметить, что первая группа источников указывает нам на ногайское происхождение астраханских юртовских татар, но не касается их внутреннего устройства. Так, например, английский дипломат Энтони Дженкинсон пишет о том, что «вся земля на левом берегу реки Волги и Камы до Астрахани и далее... называется землёй мангатов или ногайцев... Во время моего пребывания в Астрахани здесь был великий голод и мор, особенно среди татар-ногайцев, которые пришли сюда отдаться в руки русских, своих врагов, и искать у них помощи, так как их страна была разорена...» (Алексеев, 1936, стр. 46). Другой путешественник, клерк английской торговой компании Кристофер Бэрроу писал о пожаре, случившемся в «поселении ногайских татар в $\frac{3}{4}$ мили от астраханской крепости, называемом "юртом"». Он также сообщает, что эти ногайцы являются «вассалами русского царя» (Кидирниязов, 1999, стр. 152).

Адам Олеарий, немецкий путешественник и учёный по совместительству, в 1638 г. писал: «Здесь татарам, которые частью

ногайские, а частью крымские, не дозволяется жить в самом городе, а вне города, на известных местах, которые они могут обносить только плетнями» (Алексеев, 1936, стр. 69).

Немного другую точку зрения об этнической принадлежности приводит русский купец Федот Котов, приехавший в Астрахань в 1623 г.: «ниже города и около него находятся татарские юрты. Все татарские жилища вкопаны в землю, обнесены плетнём, обмазаны глиной. В степи вокруг города кочуют ногаи, подвластные государю» (Кидирниязов, 1999, стр. 192). Здесь мы видим чёткую градацию на татар и ногаев: юрты он называет татарскими, а кочующих в степи ногайцами.

По-другому обстоят дела с архивными источниками. Первичное знакомство с ними показывает несколько иной расклад в контексте представленной проблематики. Поэтому перед нами встаёт главная задача типологизировать и структурировать их для того, чтобы проследить эволюцию внутренней этносоциальной структуры астраханских татар, так как эта группа источников позволяет сделать последнее. Именно поэтому анализ будет проходить согласно хронологическому принципу. Так мы выделили архивные данные трёх веков: XVI, XVII и XVIII веков.

Первым, что бросается в глаза при анализе архивных источников, так это то, что ещё в XVI в. ногайцы и «астраханцы» чётко разделяются в них. Говоря о ситуации в первые годы после присоединения Астраханского ханства, необходимо указать исследования И.В. Торопицына и И.В. Зайцева, в которых приводятся доводы к тому, что всё-таки никакого, так называемого, интерстадиала не могло быть. Так И.В. Торопицын приводит слова С.М. Соловьёва, который писал, что «Чёрные люди начали после этого приходить к головам, присягать и бить челом, чтоб государь пожалел, велел жить по старому у Астрахани и дань давать, казнить бы их не велел... много астраханцев также ногаи в то время, как те бегали у русского войска» (Торопицын, 2015, стр. 246). Здесь речь соответственно идёт о чёрных людях, жителей не городского населения, а окраин Астраханской земли. Этот довод заставляет нас предположить, что из Астраханского ханства после 1556 г. ушла только часть населения, скорее всего высокого сословия, остальные просто попрятались. А когда всё улеглось, постарались вернуться к обычному образу жизни.

Приведём слова Ивана Грозного в переписке с ногайским бием (тюркский феодальный титул) Исмаилом в 1562 г.: «Этих князей скоро нам вывести нельзя потому, как взяли мы Астрахань, то астраханским князьям своё жалованное слово молвили, чтоб они от нас разводу и убийства не боялись. Так чтоб в других землях не стали говорить: вера вере недруг и для того христианский государь мусульман изводит» (Соловьев, 1989, стр. 474). Здесь первый русский царь говорит об астраханских князьях

(мурзах), которых ногайский бий Исмаил просил государя московского выгнать с их земель.

При этом интересна другая сторона этих переписок. Ногайские мурзы жалуются царю, что астраханские татары их притесняют: «астраханские люди нас с Иваном Выродковым ссаривают...» (Мустафина, Трепавлов, 2006, стр. 292). Астраханский историк И.В. Торопицын при анализе архивных источников также приводит другие эпизоды подобных жалоб: «"астраханские люди" нападают на ногайцев, которые "сидят на Еме реке", и "тех люди воюют"» (Торопицын, 2015, стр. 247). Мы здесь видим не просто размежевание терминов «астраханцы», под которым имеются в виду «юртовцы», с ногайцами, а целую систему взаимоотношений этих двух групп населения. Российские власти прекрасно понимали разницу между ними.

К тому же, события 1569 г. – поход крымскотатарского войска в Астрахань и активная поддержка астраханскими татарами вражеской для России стороны – хорошо иллюстрируют тот факт, что даже в социально-политическом отношении юртовцы противопоставлялись русским союзникам, ногайцам (2015, стр. 249). А то, что под астраханцами подразумеваются не русские жители, а именно коренное тюркское население бывшего Астраханского ханства, говорит отписка в Посольский приказ астраханского воеводы И.Н. Одоевского в апреле 1615 г., где он отмечал, что «астраханские, государь, люди старожильцы сказывали нам, холопом твоим. Как до, государь, преже его в прошлых годах приходил крымский царь и турецкие люди под Астрахань, и он де наперед себя славу пуцхал, что идти ему на кызылбашского, да не ходя на кызылбашского, приходил под Астрахань» (Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Том 1, 1957, стр. 90). Здесь имеются в виду события повествующие о том, что крымскотатарский хан пускал вести среди астраханского тюркского населения о скором своём приходе. Это, в свою очередь, заставляет прийти к выводу, что под «астраханскими людьми» здесь понимается не русское население Астрахани, а именно тюркское, в частности, татарское.

Таким образом, мы видим, что в XVI веке на территории уже русской Астрахани продолжало проживать прежнее татарское население, и оно противопоставляется в источниках ногайскому. Следовательно, ни о каком промежутке времени отсутствия тюркского населения в Астрахани, интерстадиале, не может идти и речи.

Огромный пласт архивных источников XVII в., относящихся, так или иначе, к Астраханскому краю, продолжает иллюстрировать нам дальнейшую эволюцию термина «юртовские татары» в отношении местного тюркского населения.

И.В. Торопицын, опираясь на мнение крупного специалиста по истории феодализма А.А. Новосельского, считает, что уже в XVII в. можно говорить о юртовских татарах как о служилом слое населения России (Торопицын, 20014, №3, стр. 221). При этом А.А. Новосельский отмечает чёткое разделение в XVII в. юртовских и едисанских татар, говоря о том, что первые находились под управлением потомков мурзы Тинбая, а вторые под управлением потомков мурзы Уруса (Новосельский, 1948, стр. 56). Как мы видим, установившееся мнение о том, что уже в первой трети XVII в. в среду юртовских татар вливаются едисанские ногайцы (Сызранов, 2008, стр. 168), ошибочно. В свою очередь, это прекрасно иллюстрируют и другие архивные данные. Подобное мы можем наблюдать в так называемом наказе астраханским воеводам И. Коробьину и князю Ф. Куракину, где чётко говорилось о переписи «на закладком дворе закладных мурз» и, чтобы вышеперечисленные лица узнали, сколько «ныне в юртах Юртовских табунных голов и Татар и Едисанов, и чем промышляют» и послали в Москву известие с «всяким служилым людем и закладным мурзам и тезиком и Юртовским Татарам и Едисаном и деловым людем переписной имянной список» (Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею. Т. 3, 1841, стр. 253-254). Этот эпизод прекрасно иллюстрирует осведомлённость властей о разной этнической принадлежности едисанцев и юртовцев.

В другом примере, нам становится известно, что в 1645 г. в походе князя С. Пожарского в Крым кроме русского войска участвовали и астраханское тюркское население. В частности, до нас дошли свидетельства о том, что ногайским, джетисанским и юртовским мурзам было приказано влиться в русское войско «со всеми их улусными людьми» (Акты Московского государства, изданные Императорскою академиею наук, Т II, 1894). Здесь мы снова наблюдаем чёткое разделение между отдельными группами тюркского населения, и юртовские стоят отдельно от едисанских. Даже во второй трети XVII в. эта градация прослеживается чётко: «О тенденции выделения русскими властями разных групп знати в среде юртовцев во взаимоотношениях с ними свидетельствует наказ И.К.Первому, назначенному астраханскими воеводами в октябре 1661 г. головой над ногайскими, джетисанскими (едисанскими) и юртовскими татарами. В нём указывалось пересмотреть на "лицо по списку" всех юртовских мурз, табунных голов, сотников и десятников, а также всех рядовых "чёрных" татар и ногайцев» (Торопицын, 2014, №3, стр. 223). Здесь мы снова наблюдаем разделение не только мурз на ногайских и татарских, но и так называемого «чёрного» населения.

Анализируя архивные данные третьей трети XVII в., И.В. Торопицын акцентирует внимание на том, что уже в этот период термин

«юртовские татары» начинает становиться собирательным для отдельных этнических групп, в частности, для едисанских ногайцев и, собственно, юртовских татар. Именно тогда в различных документах того времени под «юртовскими» понимают как самих непосредственно юртовских татар, так и ногайцев, хотя ещё до середины XVIII в. это делалось весьма условно. Например, к концу XVII в. в 1694 г. к властям обратились «юртовские мурзы и табунные головы и сотники татарские, князь Казы княж Алеев сын Урусов с товарищи, табунные головы, Ишей Кошкарин с товарищи, сотники татарские Глев Уразаев с товарищи» (Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией, Т.5, 1841, стр. 419). В указанном свидетельстве мы можем наблюдать, что едисанский мурза Урусов российскими властями уже относится не в отдельную группу ногайской знати, а воспринимается как составная часть служилых юртовских татар (Торопицын, 2014, №3, стр. 225). Это, в свою очередь, и позволяет проследить развитие термина юртовских татар как в определённой степени не этнонима, а собирательного обозначения различных групп тюркского населения Астрахани.

Другим важным аспектом данной проблематики является наличие среди юртовских «чёрных» людей социальных категорий и этнических групп, хотя последние могут оказаться под вопросом, так как источников по ним очень мало, а имеющиеся скудны в своей информативности. Так, дошедшие до нас данные свидетельствуют о наличии в юртовской среде трёх крупных социальных страт: служилых, ясачных (ясашных) и емешных татар. Первая группа не относилась ни к мурзам, ни к табунным головам, а выделялась отдельно. Например, челобитная сентября 1761 г., поданная астраханским властям, упоминает эти категории: «Бьют челом астраханские юртовские мурзы, табунные головы з служилыми и ясашными своими людьми...» (Торопицын, 2014, №2, стр. 231). Здесь мы можем наблюдать разграничение двух социальных юртовских страт: служилых и ясашных. Название последних, скорее всего, происходит от слова «ясак» – натуральный налог; и под этим названием подразумевалась особая категория зависимых юртовских «чёрных» татар, которая платила этот самый ясак своим мурзам, но, в документах это подчёркивается, не являлось служилым слоем населения. Учитывая характер феодальных отношений в XVII-XVIII вв. в юртовской среде, а так же российских законодательных актов, регулирующих эти самые отношения, можно предположить, что под ясачными татарами подразумевалось исконно татарское население, оставшееся на этой территории после присоединения Астрахани к русскому государству. Оно позже было взято под контроль и попало в зависимость от юртовских и ногайских мурз, став зависимой категорией.

Третьей стратой, выделяемой в архивных документах, являются, так называемые, емешные татары. Полной информации о них нет, хотя в книге 1835 г. «Энциклопедический лексикон: Ара-Афо» даётся их краткое описание: «...Татары Емешные, от слова Емек, т.е. кормовые, или рабочие, суть потомки пленных, взятых Татарами Астраханскими в войнах с соседями; они жили, и теперь живут на землях, жалованных табунным головам и мурзам, которым за это услуживают в их хозяйстве, более по обычаю, нежели по непременному долгу и принуждению; ими управляют теперь 8 табунных голов и 4 мурзы, которые заведывают их хозяйством, разбирают маловажные споры и собирают деньги на земские повинности» (Греч, 1835, стр. 359). Как мы видим из энциклопедических данных XIX в., эта часть юртовского населения представляет собой зависимую категорию. Зависимость эта проявлялась «в услужении в их (табунных голов и мурз) хозяйстве». При этом подчёркивается их происхождение: «суть потомки пленных, взятых Татарами Астраханскими в войнах с соседями». Таким образом, этническое происхождение емешных татар может быть совершенно разным: от крымских до ногайских тюрок. Это в очередной раз доказывает этническое разнообразие тюркского населения, известного на территории Астраханского края под названием «юртовские татары».

Таким образом, анализируя различные источники, касающиеся юртовских татар, проживающих на территории Нижневолжского фронта, мы приходим к выводу, что этносоциальная структура этой группы тюркского населения сложна и разнообразна. Пройдя путь развития с XVI по XIX вв., сам термин «юртовские татары» эволюционировал из этнического до нарицательного, обозначающего служилые слои тюркского населения. В наши дни он снова приобрёл этническое значение.

Проследивая это самое развитие, мы видим, что, если в XVI в. юртовские татары упоминаются в свидетельствах и архивных документах как народ, противопоставляющийся ногаям, то в XVIII-XIX вв., это уже служилое население, мурзам которых принадлежат как «служилые», так и яшашные и емешные категории зависимого населения», этническое происхождение которых до конца не ясно. И остаётся предполагать, что некоторые из них могли быть представителями коренного населения Астраханского ханства. Этому свидетельствуют и данные об основной хозяйственной деятельности некоторой части юртовских татар (садоводство, и рыболовство). Следовательно, можно сделать умозаключение, что уже в XVIII в. юртовские татары не представляли единого монолитного этноса, проследить происхождение которого невозможно, и включали в себя различные этнические и социальные

группы. Именно поэтому попытки некоторых учёных причислить юртовцев к тому или иному конкретному этносу не имеют оснований.

Библиографический список:

1. *Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией* (1841, Т.5). СПб.
2. *Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией* (1841, Т. 3.) СПб
3. Попов, Н.А. (1894) *Акты Московского государства, изданные Императорскою академиею наук. Т II. Разрядный приказ. Московский стол. 1635-1659*. Санкт-Петербург.
4. Васькин, Н.М. (1973) *Заселение Астраханского края*. Волгоград.
5. Викторин, В.М. (1991) *Интерстадиал (к перерыву постепенности этнического развития при присоединении Нижнего Поволжья к Российскому государству). Материалы четвёртой краеведческой конференции. Ч.1. Астрахань*, стр. 46-50.
6. Викторин, В.М. (1995) *Этнополитический интерстадиал XVI-XVII вв. и его носители (от Астраханского ханства к Астраханскому воеводству). Сборник тезисов региональной научной конференции «Проблемы взаимодействия национальных культур» (Межэтнические общения в полиэтническом регионе)*. Ч1. Астрахань, стр. 7-8.
7. Греч, Н.И. (1835) *Энциклопедический лексикон: Ара-Афо. Том третий*. Санкт-Петербург.
8. Джуманов, Р.У. (1989) *Особенности формирования этносов Нижнего Поволжья. Проблемы этногенеза народов Волго-Камского региона в свете данных фольклористики (Материалы научного семинара 16-20 сентября 1989 г., г. Астрахань)*. Астрахань.
9. Алексеев, В. (1936) *Исторические путешествия. Извлечения из мемуаров и записок иностранных и русских путешественников по Волге XV-XVIII вв.* Сталинград.
10. *Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Том 1.* (1957). М.: АН СССР.
11. Кидирниязов, Д.С. (1999) *Ногайцы в известиях русских, западноевропейских и восточных авторов в XV-XVIII вв.* Махачкала.

12. Небольсин, П.И. (1852) *Очерки Волжского низовья*. Спб.
13. Новосельский, А.А. (1948) *Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в.* Москва-Ленинград: Академия наук СССР.
14. Мустафина, Д.А., Трепавлов, В.В. (2006) *Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551-1561 гг. публикация текста*. Казань: Татар. кн. изд-во.
15. Соловьев, С.Н. (1989) *Сочинения. История России с древнейших времён. Кн. III. Т. 6*. М.: Мысль.
16. Сызранов, А.В. (2008) К проблеме этногенеза астраханских (юртовских) татары. *Перекрестки истории актуальные проблемы исторической науки: материалы Всероссийской научной конференции к 450-летию*. Федеральное агентство по образованию, Астраханский государственный университет, Студенческое научное общество ИФ АГУ, стр. 167-171.
17. Торопицын, И.В. (2015) Астраханские татары в первые годы после присоединения к Московскому государству. *Астраханские краеведческие чтения: Сборник статей*. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, Вып. VII, стр. 246–250
18. Торопицын, И.В. (2014) Взаимоотношения астраханских властей с привилегированным слоем астраханских юртовских татар в XVIII в. *Каспийский регион: экономика, политика, культура*. Астрахань. № 2 (39), стр. 228–234.
19. Торопицын, И.В. (2014) Знать у астраханских юртовских татар в XVII в. *Каспийский регион: экономика, политика, культура*. Астрахань. № 3 (40), стр. 220–228.
20. Трепавлов, В.В. (2002) *История Ногайской Орды*. Москва.
21. Шнайдштейн, Е.В. (1975) *Археологические памятники поздних кочевников Нижнего Поволжья IX-XV вв. как источник по проблеме этногенеза астраханских татар*. Ленинград.
22. Шнайдштейн, Е.В. (1989) *О происхождении астраханских татар*. Астрахань.
23. Исхаков, Д.М. (2014) *Этнография татарского народа*. Казань: Магариф.

24. Якушенков, С.Н., Якушенкова, О.С. (2016) «Власть земли»: формирование новой инаковости в условиях фронта. *Журнал Фронтирных Исследований*, № 1, стр. 9-21.

THE PROBLEM OF YURT TATARS' ETHNIC IDENTITY

Aliev R.T.

Aliev Rastyam Tuktarovich, Ph.D. in history, Astrakhan State University, 414056, Astrakhan, Russia, Tatischeva Str., 20a. E-mail: xaaqan@mail.ru

In modern historiography the question of ethnogenesis of the Yurt at the Astrakhan Tatars frontier remains particularly relevant. Various scholars and historians give their explanations of ethnicity Astrakhan Tatars on the basis of a set of historical data and testimonies of travelers and merchants. The author of this article attempts to analyze of historiography on this issue, considering the various historical data and concludes that the Turkic population of Astrakhan, known as «Tatars Yurt» has passed a long way of development. Starting from the XVI century this population is a separate ethnic group, opposes in the Nogais sources. In the XVII century there is a further development of the term and its transformation the designation of the serving of the Turkic population to the end of the century in, which includes the same and the Edisan-Nogai. And in the XVIII-XIX centuries Yurt Tatars are characterized not as a single monolithic ethnic group, as well as the collective name of different ethnic groups, lined up in a clear social structure: Tatar and Nogai Murza and the heads of the herds of origin, service categories, dependent ‘yasashnye’, ‘emeshnye’ and the Tatars, etc. Thus, taking into consideration the complexity of the social and ethnic structure of the Yurt Tatars, all attempts by some scientists to classify the Yurt Tatars to specific ethnic group are groundless.

Keywords: frontier, astrakhan tatars, yurt tatars, emek tatars, yasak tatars, nogais, jedisans, interstadial, liminality.

Referenses:

1. *Collected and published by the Archeological Commission historical acts.* (1841, Vol.5). St. Petersburg.
2. *Collected and published by the Archeological Commission historical acts.* (1841, Vol.3). St. Petersburg.
3. Popov, N.A. (1894) *Published by Imperial Academy of Sciences acts of the Muscovite state. Vol. II. The discharge order. Moscow Area. 1635-1659.* St. Petersburg.
4. Vaskin, N.M. (1973) *Settling of the Astrakhan region.* Volgograd.

5. Viktorin, V.M. (1991) Interstadial (a break in continuity of ethnic development accession to the Lower Volga Russian state). *Proceedings of the fourth conference of local history. Part 1. Astrakhan*, pp. 46-50.
6. Viktorin, V.M. (1995) Ethnopolitical interstadial of XVI-XVII centuries and his carriers (from the Astrakhan Khanate to Astrakhan to the voivodship). *Abstracts of the regional scientific conference "Problems of interaction of national cultures" (Inter-ethnic communication in a multi-ethnic region ") Part 1 Astrakhan*, pp. 7-8.
7. Grech, N.I. (1835) *Encyclopedic lexicon: Ara-Afo. Vol.3*. St. Petersburg.
8. Jumanov, R.U. (1989) Features of formation of the Lower Volga ethnic groups. *Problems of ethnogenesis of the peoples of the Volga-Kama region in the light of the data of folklore (Materials Science Workshop 16-20 September 1989 in Astrakhan)*. Astrakhan.
9. Alekseev, V. (1936) *Historical travel. Excerpts from the memoirs and notes of foreign and Russian travelers on the Volga XV-XVIII centuries*. Stalingrad.
10. *Kabardino-Russian relations in the XVI-XVIII centuries. Vol. 1*. (1957). Moscow: Academy of Sciences of USSR.
11. Kidirniyaziv, D.S. (1999) *Nogais in the Proceedings of Russian, Western European and Oriental authors XV-XVIII centuries*. Makhachkala.
12. Nebolsin, P.I. (1852) *Essays on the Volga lower reaches*. St. Petersburg.
13. Novoselskiy, A.A. (1948) *The struggle the Muscovite state with the Tatars in the first half of the XVII century*. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR.
14. Mustafina, D.A., Trepavlov, V.V. (2006) *Ambassadorial books on relations between Russia and the Nogai Horde. 1551-1561. Publication of the text*. Kazan: Tatarstan book publ.
15. Solovyev, S.N. (1989) *Writings. History of Russia since ancient times. Bk. III. T. 6*. Moscow: Thought.
16. Syzranov, A.V. (2008) To the problem of ethnogenesis Astrakhan (Yurt) Tatars. *Crossroads of history actual problems of historical science: Proceedings of the Scientific Conference of the 450th anniversary. Federal Agency for Education, Astrakhan State University, Student Scientific Society IF ASU*, pp. 167-171.

17. Toropitsyn, I.V. (2015) Astrakhan Tatars in the first years after joining the Moscow State. *Astrakhan regional studies Readings: Collected articles. Astrakhan: Publisher: Roman V. Sorokin, Vol. VII*, pp. 246–250
18. Toropitsyn, I.V. (2014) Relations of Astrakhan authorities with a privileged layer of the Astrakhan Tatars Yurt in the XVIII century. *Caspian region: the economy, politics, culture. Astrakhan. № 2 (39)*, pp. 228–234.
19. Toropitsyn, I.V. (2014) Nobility of Astrakhan Yurt Tatars in the XVII century. *Caspian region: the economy, politics, culture. Astrakhan. № 3 (40)*, стр. 220–228.
20. Trpavlov, V.V. (2002) *History of the Nogai Horde*. Moscow.
21. Shnaydshteyn, E.V. (1975) *Archaeological sites of late nomads Lower Volga IX-XV centuries as the source of the problem of ethnogenesis Astrakhan Tatars*. Leningrad.
22. Shnaydshteyn, E.V. (1989) *On the origin of the Astrakhan Tatars*. Astrakhan.
23. Iskhakov, D.M. (2014) *Ethnography of the Tatar people*. Kazan: Magarif.
24. Yakushenkov S.N., Yakushenkova O.S (2016) «Power of land»: formation of new otherness in the conditions of frontier. *Journal of Frontier Studies, № 1*, pp. 9-21.